

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Э.А. ПАИН,
С.Ю. ФЕДЮНИН

Нация и демократия. Статья 1. Идея гражданской нации в современной России*

Диптих из двух статей посвящен анализу взаимосвязи между национальной организацией общества, демократией и гражданским участием. Авторы развивают идею Д. Растоу о национальном согласии как о единственном предварительном условии перехода к демократии. Трудности укоренения демократии в России и нынешний кризис доверия к демократическим институтам в ряде стран Запада, по мнению авторов, позволяют выявить фундаментальную роль гражданской нации не только в становлении, но и в поддержании современной демократии.

В статье 1 речь идет о сложившемся в России гибридном типе национально-государственного устройства. Последний отличается рядом формальных политико-юридических и культурных признаков становления в стране политической нации, но при этом сохраняет множество черт предшествующего имперского развития — “имперского синдрома”, затрудняющего развитие демократических институтов. В статье акцентируется внимание на том, что эти особенности плохо осознаются как в массовом, так и в профессиональном понимании, в то время как противоположные идейно-политические течения — либерально-демократическое и охранительное — мало заинтересованы в их обсуждении. Авторы статьи выделяют три академических позиции относительно идеи гражданской нации в России: 1) “охранительный конструктивизм”, использующий модный дискурсивный подход для защиты России от критики имитационного характера многих институтов: гражданской нации, демократии, федерализма, правового государства; 2) “прагматический релятивизм”, постулирующий отсутствие необходимости в преодолении гибридного характера национально-государственного устройства; 3) “исторический фатализм”, настаивающий на том, что Россия по своему политическому устройству остается империей и не может стать национальным государством. Авторы полемизируют с каждой из трех позиций и противопоставляют им свой подход к проблеме.

Ключевые слова: гражданская нация, демократия, Россия, империя, доверие, институты, конструктивизм.

* Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского научного фонда № 15-18-00064.

Паин Эмиль Абрамович — доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ). Адрес: Мясницкая, д. 20, Москва, 101000. E-mail: pain@ISRAS.ru

Федюнин Сергей Юрьевич — докторант Центра европейских и евразийских исследований (Centre de recherches Europes-Eurasie) Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO). Адрес: Париж, 65 Рю де Гран Мулен Франция 75013.

Конец эпохи политической эклектики

Противоречивые оценки концепции гражданской нации на протяжении многих десятилетий были и остаются скорее нормой, чем исключением. Э. Ренан в своей знаменитой лекции “Что такое нация?” (1882) пытался “внести больше точности в эти трудные вопросы, в которых малейшее смешение смысла слов в начале рассуждения может привести в конце концов к самым пагубным ошибкам” [Ренан 2006]. Выдающийся историк и социальный мыслитель тогда противостоял ошибкам смешения нации с расовыми, этнографическими или лингвистическими общностями. Однако со времен Ренана вряд ли было более сложное время для поиска “точности” и нахождения приемлемой конвенции в определении большинства социально-политических явлений и особенно такого сложного феномена, как нация, чем нынешняя эпоха. Политолог Л. Шевцова в январе 2017 г. определила ее как время заходящего постмодерна, а также (ссылаясь на З. Баумана) “как *liquid modernity* – “текущую современность”, когда все размыто и нет границ между принципами и нормами. Нет ни друга – ни врага, ни мира – ни войны, ни закона – ни беззакония: все смешалось в одном стакане” [Шевцова 2017]. Мода на неопределенные, размытые критерии и туманные рассуждения, не опирающиеся на эмпирические данные, превращает всю общественную науку, и в частности исследования нации и национализма, в некие необязательные игры, в пустословие.

Впрочем, интеллектуальное разоружение – следствие не одной только моды. Оно возникло под влиянием совокупности глубинных социально-политических процессов, связанных с растущей разобщенностью и уменьшением влияния общества на формирование национальной и международной повестки дня, а также все большим отрывом социальной теории от политической практики. Вместе с тем мы разделяем позицию Шевцовой о нарастании признаков, свидетельствующих об исчерпании общественного спроса на постмодерн. Это, на наш взгляд, открывает дополнительные возможности освоения идеи нации в России и ее реабилитации в странах Западной Европы.

Россия между этническим национализмом и имитацией гражданской нации

В современной России идея гражданской нации явно не доминирует ни в массовом, ни в элитарном сознании. В бытовом языке и в политическом дискурсе господствуют традиционные понятия о нации, отождествляющие его с этничностью и даже с расой. Такое представление фактически поддерживается идеологами разных направлений, и не только теми, кто открыто себя позиционируют как националисты. Многие представители нынешнего российского политического истеблишмента, отрицая свою приверженность национализму в той или иной форме, в своей публичной деятельности отражают такую позицию. Вице-премьер Д. Рогозин в ноябре 2005 г., в бытность свою лидером партии “Родина”, оказался действующим лицом видеоролика, который Мосгоризбирком, а затем и суд признали “разжигающим национальную рознь”¹. Вице-спикер Государственной думы П. Толстой, комментируя 23 января 2017 г. передачу государственного музея “Исаакиевский собор” в ведение РПЦ, сделал заявления, которые были признаны Федерацией еврейских общин России как “националистические, в данном случае юдофобские” и названы “открытым антисемитизмом” [Еврейская община... 2017].

Осознавая популярность традиционалистских представлений в России, первые лица государства подчеркивают свою связь с “народностью” по технологии, предложенной еще графом С. Уваровом: “Православие – Самодержавие – Народность”.

¹ 24 ноября 2005 г. Мосгоризбирком объявил о том, что ролик “Очистим Москву от мусора” разжигает межнациональную рознь и снял его с эфира, а 26 ноября Мосгорсуд по этой же причине отстранил партию от выборов (см. [Столицу очистили... 2005]).

В. Путин и Д. Медведев постоянно демонстрируют свою православную идентичность, не особо заботясь о защите светского характера Российской Федерации, закрепленного в Конституции. В инструментарии публичных действий российских лидеров есть и национал-популистская риторика. В 2008 г., представляя избранного тогда (а теперь уже бывшего) президента Медведева, Путин назвал его “в хорошем смысле таким же русским националистом”, как и он сам [Баранов 2008]. В 2014 г. Путин определял себя уже просто как “самого большого националиста в России” [Путин... 2014]. Такая самооценка, видимо, имеет под собой основания; во всяком случае, она подтверждается дискурсом президента России, который в своих публичных выступлениях последних лет не раз повторял формулу, ставшую визитной карточкой русских националистов с XIX в. Это формула о противоположности русской и западной ментальности – русской духовности и западного “свокорыстия” [Шмена 2015].

Либеральные интеллектуалы справедливо осуждают все проявления ксенофобии и этноцентризма, в том числе и со стороны российского истеблишмента, но при этом распространяют этот негативизм не только на этнический национализм, но и на гражданские трактовки понятия “нация”. Проблему представляет одностороннее и весьма противоречивое понимание коллективизма, которому в этой идейно-политической среде приписываются сугубо негативные коннотации, хотя поддержание гражданского общества как явления коллективного и требующего коллективизма от его активных участников здесь же считается благом. Например, известный либеральный мыслитель А. Морозов справедливо пишет об угрозах деконсолидации общества: “Если вы начинаете работать на раскол собственного общества или на международный раскол, то обратной дороги нет. Никакого примирения не произойдет, и пограничная линия будет стоять десятилетиями, а то и столетиями” [Морозов 2017]. Далее он развивает эту мысль, показывая, как ослабление в современном мире институтов, скрепляющих общества (университеты, медиа и идеологические ценности), приводит к расколам. Но затем Морозов пишет об “угрозах нового коллективизма”, имея в виду лишь толпу в тоталитарных режимах. Но она не единственное выражение коллективизма. Э. Фромм и вовсе доказывал, что немецкие бюргеры превращались в толпу в результате атомизации (то есть деколлективизации) общества, поскольку человек-песчинка легче всего поддается массовому внушению и больше других склонен к конформизму.

В среде либерально ориентированной части российского общества, за редкими исключениями, не осознается связь между, с одной стороны, желаемой этой категорией граждан активизацией российского общества, преодолением его гражданской пассивности и освобождением от имперских амбиций (“ватности”), а с другой – становлением гражданской нации, являющейся следствием и одновременно воплощением такого развития. Российские либералы горячо поддерживают развитие гражданского общества, но не видят особого смысла в становлении гражданской нации. Для большинства из них национализм – бранное слово, олицетворение политического насилия (например, в виде идеологии “державничества”) и нетерпимости (в форме этнической, религиозной и иной ксенофобии). Как заявил член федерального комитета партии “Яблоко” Б. Вишневский, для его партии “борьба против национализма – это самая патриотическая позиция и идеология”, добавив, что “националисты и “мягкие”, и “жесткие” – это люди, которые ведут к неминуемому развалу России” [Вишневский 2013]. Защищая космополитические идеалы свободы и демократии, российская либеральная общественность игнорирует то обстоятельство, что становление гражданской нации – это практическая реализация важнейшей цели народовластия и политического либерализма. А именно – перехода политической системы от модели формального, номинального гражданства к “гражданству действия”, то есть к деятельному и свободному участию граждан в формировании представлений о национальных интересах (образа общего блага), в борьбе за их осуществление и защиту.

Даже в последние годы, когда термин “гражданская нация” стал частью официального политического дискурса, его общественное осознание не возросло. Это не удивительно для тех, кто знают о неопределенности его формулировки и периферийном

месте в Стратегии государственной национальной политики, принятой в декабре 2012 г. В этом документе слово “нация” значительно чаще используется в своем традиционном для России значении – как термин для обозначения этнической политики. В программной статье “Россия: национальный вопрос” из цикла предвыборных статей 2012 г. Путин буквально пару раз использует слово “нация” применительно к стране, обществу, но зато гораздо чаще характеризует Россию как “историческое государство” и “полиэтническую цивилизацию” [Путин 2012].

Анализ Стратегии и публичного дискурса российского руководства [Малинова 2012] показывает, что декларируемая приверженность идее гражданской нации в России больше напоминает очередную редакцию доктрины “официальной народности” или давнюю технологию подмены понятий. Однако полного повторения событий в истории не бывает, и некоторые попытки повтора действительно напоминают фарс. В XIX в. граф Уваров предложил подменить понятие нации идеей народности, а ныне слегка обновленную доктрину “официальной народности” – православие (традиционализм), самодержавие (авторитаризм), народность (особая цивилизация) – представляют публике как гражданскую нацию. Сделать это тем проще, чем меньше определенности в научном сообществе относительно понятия “нация” вообще и применительно к российскому обществу². Нет согласия среди ученых и относительно вопроса о том, существует ли гражданская нация в России, и если нет, то возможна ли она в принципе. По большому счету, есть три крайние позиции, которые мы намереемся последовательно проанализировать.

Первое – это утверждение о внеисторическом существовании гражданской нации в России. Вторая позиция состоит в сознательном отказе различать имперский и национальный тип взаимоотношений общества и государства. Наконец, третий подход утверждает неизбежность империи и, следовательно, невозможность гражданской нации в России. Стороны этой дискуссии (заочной и необъявленной) не придают значения предупреждениям Ренана об опасности смещения смысла терминов и как будто соревнуются между собой в неточности, метафоричности определений сущности как империи, так и нации.

Охранительный конструктивизм

Итак, первая позиция состоит в том, что российская гражданская нация уже есть. Это официальная доктрина российской власти. Более того, как утверждает главный защитник данной концепции академик В. Тишков, гражданская нация существовала и раньше – в Российской империи и в СССР, просто под другими названиями. Знаменитая формула Тишкова гласит: “Российское государство, каким бы оно ни было по устройству – монархией-империей, союзом республик и страной Советов или республикой-федерацией, – может и должно квалифицироваться как национальное государство” [Тишков 2007^b, с. 37].

Согласно радикально-конструктивистскому подходу Тишкова, концепт “нация” вообще не может быть категорией анализа. Для него это не более, чем “метафора”, “пустое понятие” и “слово-призрак”, а значит, необходимо отказаться от его употребления в науке [Tishkov 2000]³. Вместе с тем академик не отказывается формулировать определения этого “пустого понятия”. Вот одно из последних его толкований: “Таким образом, нация – это воображаемая общность, социальный конструкт, политическая метафора, обладающая мобилизующей силой и имеющая почти всеобщее распространение” [Тишков 2016, с. 9]. Это пример предельно широкого, безразмерного понятия. Производство подобных терминов весьма характерно для современной России. Например, в российской юридической практике встречаются такие размытые категории,

²Чтобы составить представление о многообразии позиций среди российских ученых по данному вопросу, см. статьи в № 3 Pro et Contra 2007 г.

³Ирония в том, что вместо категории “нация” Тишков предлагает использовать понятия “государства”, “народы” и “культуры” [Tishkov 2000, p. 647], вероятно, считая последние менее метафоричными.

как “иностранный агент”, “политическое участие”, “оскорбление чувств верующих”, “экстремизм” и др. Такие понятия удобны для идеологических упражнений, но они совершенно неприменимы в аналитических целях для различения исследуемых объектов. Как с помощью предложенной дефиниции выделить нации из бесчисленного множества “воображаемых общностей, социальных конструкторов”? По каким признакам их можно отличить, скажем, от религиозных сообществ, идейно-политических течений или даже сообществ людей, характеризующихся сходством вкусов?

К счастью, Тишков в той же статье использует более узкое определение, понимая гражданскую нацию как население всякого государства, которое себя с ним и идентифицирует [Тишков 2016, с. 17]. Это лучше, все же понятнее, что под нацией понимают не всякую общность. Однако и это определение малоинформативно, поскольку в данном случае нациями пришлось бы признать жителей древнейших государственных образований типа Египетского и Вавилонского царств, а также население Римской империи или империй недавних времен, таких как Австро-Венгерская или Османская. Но против такого толкования выступал еще Ренан. “Нации, — говорил он, — отчасти, новое явление в истории. Древность не знала их... В классической древности были республики и муниципальные государства, конфедерации местных республик, империи, но не было нации в том смысле, как мы ее понимаем” [Ренан 2006]. С тех пор вот уже почти полтора века несколько поколений теоретиков нации и национализма придерживаются такого же мнения.

Любопытно, что для обоснования своей позиции Тишков ссылается на западных ученых-конструктивистов, включая Р. Брубейкера. Но если посмотреть на то, что пишет Брубейкер, испытавший влияние со стороны социологии П. Бурдьё, то окажется, что у того подход иной, вовсе не считающий нацию “пустым понятием”. Признавая, что “нация является категорией практики, а не (в первую очередь) категорией анализа” [Brubaker 1996, p. 7], (курсив наш. — Э.П., С.Ф.), Брубейкер предлагает ориентироваться, главным образом, на изучение политик и практик (*policies and practices*), которые “вытекают” из публичного употребления категории “нация”. Еще раз подчеркнем, что, в отличие от Тишкова, конструктивист Брубейкер не отрицает значимость понятия “нация” как аналитической категории [Брубейкер 2006, с. 60–61]. Более того, обозначая различные функции, которые она может исполнять в том или ином контексте, Брубейкер показывает, что в политической практике эта категория способствует “выработке более полнокровных форм гражданства”, позволяет решить задачи национальной консолидации, “включения людей в новую для них общность” и достижения национального согласия [Брубейкер 2006, с. 63–64, 72]. А вот по мысли Тишкова, в последние годы активно занимающегося продвижением “метафоры” российской нации, практически никакой связи с переформатированием институциональных форм и практик Российского государства не предполагается.

Не исключено, что подобный релятивизм вызван не столько логикой научного анализа, сколько политической мотивацией различного рода. В случае Тишкова это выглядит как солидаризация с современной охранительной идеологией, “защищающей” Россию от невыигрышного сравнения с Западом (мол, “и у нас демократия, государство-нация и верховенство права”) и “нормализующей” российскую ситуацию в глобальном контексте. Тишков призывает считать нациями все государства мира на том основании, что они входят в ООН и “считают себя” именно национальными государствами [Тишков 2007^a, с. 558]. Тут возникает множество вопросов, например, такой: должны ли мы считать демократическими те страны и режимы, которые официально именуют себя таковыми? Если принять позицию Тишкова и при этом следовать формальной логике, мы вынуждены будем признать КНДР с ее династией Ким и Зимбабве под руководством Р. Мугабе демократиями. Или “демократию”, вслед за “нацией”, также следует вычеркнуть из списка категорий анализа? В таком случае, не придется ли нам поступить аналогичным образом и с “правовым государством”, “республикой”, “федерацией”?

Действительно, после Второй мировой войны почти все признанные независимые государства (за исключением, разве, теократического Ватикана) захотели вступить

в Организацию Объединенных Наций, позиционируя себя в качестве демократических национальных государств (или государств-наций). Такое позиционирование указывает на то, что с середины XX в. статус национального государства стал знакомым и престижным, хотя меньшинство стран мира в это время реально обладали признаками как демократий, так и национально-гражданских отношений. Разрыв между нормативным, престижным статусом и реальностью породил спрос на имитацию, на производство идеологических, пропагандистских суррогатов демократии и гражданской нации. Далеко не только в России близкие к власти идеологи конструировали широкие, мягкие, “резиновые” определения демократий и гражданских наций, чтобы упаковать и скрыть в них реальность, далекую от нормативной. Особенностью современной России в этом отношении можно считать лишь беспредельный, какой-то эпический масштаб идейно-политической эклектики, позволяющей соединять в одной политике несочетаемые явления и цели.

Например, ныне в российской официальной пропаганде термин “либеральная демократия” используется исключительно в негативном смысле в сочетании с эпитетами “гнилая”, “лживая”, “агрессивная”. Все эти клички нужны для обозначения врагов России – внешних (зловещего Запада) и внутренних (“пятая колонна”). В то же время официальные лица решительно опровергают какие-либо упреки тех же западных наблюдателей в отклонении России от либерально-демократических норм, таких как свобода совести, свободные выборы, право на независимый суд и др. Такое же противоестественное соединение представляет собой популистская поддержка российским истеблишментом идей имперского национализма (ностальгия по временам классических империй и холодной войны, ресентимент и различного рода этнические фобии), с одной стороны, а с другой – утверждение в государственной стратегии цели развития “гражданской нации”.

Империя и нация: как определить различия?

Другая позиция заключается в том, что вопрос о национальном или имперском настоящем России либо вообще не имеет решения, либо совершенно не принципиален. Тенденция к сознательному неразличению понятий “империя” и “нация” в значительной мере ответ на господствовавшую прежде в социальной науке мифологиию о радикальном противопоставлении империи и нации, с наделением их сущностями, никак не пересекающимися и не связанными друг с другом (нация – это “хорошо”, выражение “воли народа” и синоним “прогресса”, а империя – это “плохо”, “тюрьма народов” и признак “архаики”). Но критический подход, как часто бывает при утрате чувства меры, привел к “перехлесту” – то есть к полному отказу дифференцировать исторически разные типы взаимоотношений государств и обществ. Вершиной такого перехлеста можно считать приведенную позицию Тишкова. Напротив, эволюцию взглядов историка А. Миллера представляется возможным объяснить иной мотивацией – не идеологической, а политико-прагматической.

Было время, когда Миллер указывал на возможность демократии в России и ее связь с созданием гражданской нации, выражая надежду, что “Россия сможет найти путь к демократии уже в качестве нации-государства” [Миллер 2008, с. 22]. А несколько лет спустя, в 2016 г., Миллер (совместно с Ф. Лукьяновым) утверждал, что “представление о “российском национальном государстве” как цели развития – вызывает возражения”, прежде всего в силу наличия политически мобилизованных этнических групп, считающих себя нациями [Миллер, Лукьянов 2016]. Если в 2008 г. говорилось о необходимости “национальной рамки” для перехода к демократии и ее институционализации, о вреде воспроизводящейся в России имперской системы отношений Центра и регионов⁴, то сегодня при обсуждении “национальной” темы в России

⁴Солидаризируясь с тезисом политолога Н. Петрова, Миллер писал, что выстроенная в 2000-е гг. система отношений Центра и регионов “является серьезным тормозом как для экономического развития страны, так и для ее демократизации и построения эффективной федерации” [Миллер 2008, с. 20].

Миллер вообще избегает вопросов демократии, роли гражданской культуры и принципа народного суверенитета (см. [Миллер 2016]). Изменилась и его оценка “имперского наследия”: эксперты журнала “Россия в глобальной политике”, включая Миллера и Лукьянова (главного редактора журнала), предлагают принять *как данность* отказ от выбора между имперским и национальным типом общества. Постулируя “примат национальной идентичности”, авторы полагают, что одновременно с этим Россия должна быть империей как вовне (в отношении своей “зоны влияния”), так и внутри (“России приходится играть роль империи” на Кавказе [Между империей... 2017]).

Эта позиция концептуальной неопределенности опирается на некоторые теоретические основания. Так, в последнее время в политической и исторической науке начал утверждаться релятивистский подход, постулирующий “гибридность” социальной реальности [Герасимов, Могильнер 2007]. В рамках этой концепции “нация” и “империя” – не более, чем идеальные типы, полюса плюралистичной и гетерогенной реальности. Иными словами, наций, как и империй, *per se* не существует, а есть только оттенки “национального” и “имперского”, которые смешиваются в каждом конкретном обществе и регионе в данный исторический период. Со схожих методологических позиций выступают некоторые социологи, особенно придерживающиеся левых взглядов (см. [Thesis Eleven 2017]), а также историки, рассматривающие развитие европейских государств XIX–XX вв. через призму взаимовлияния процессов *empire- и nation-building* [Berger, Miller 2015]. Хотя эти ученые обычно без особых затруднений описывают политические образования как “нации” и “империи”, а масштабные модернизационные процессы – в “национальных” и “имперских” терминах, фактически они отказываются различать их особенности и институциональные последствия, предпочитая говорить о принципиальной неразделенности (и неразделимости) двух типов процессов в прошлом и настоящем.

Обе концепции во многом справедливы: как и в природе, в обществе преобладают смешанные, или гибридные, явления. Но человечество давно научилось делать выбор и выделять доминирующие тенденции. Политическая практика при выборе преобладающих социальных тенденций может опереться, например, на сравнительные социологические исследования. Одно из наиболее авторитетных исследований такого рода было проведено в 43 странах Европы по методике Р. Инглхарта (2008–2010 гг.). Оно показало, что во всех этих странах представлены разные социально-ценностные классы, включая два противоположных: “инициативная автономия” (преобладание ценностей индивидуализма и инициативы) и “властная иерархия” (доминирование ценностей послушания, патернализма). Только соотношение этих классов разное. В Северной Европе доминирует первый из названных классов (доля его представителей колеблется от 55% в Финляндии до 74% в Швеции), а в республиках СНГ – второй (от 50% в России до 81% в Азербайджане) [Магун, Руднев 2012]. В Северной Европе к тому же зафиксирована наивысшая для континента, да и для всего мира, готовность граждан к самоорганизации и их включенность в институты гражданского общества, а в странах СНГ самые низкие показатели гражданской активности и гражданской ценностей. Все это дает основания утверждать, что страны Северной Европы сегодня – наиболее яркие примеры гражданских наций, где доминирует гражданская культура (*civic culture*), а республики СНГ демонстрируют преобладание подданнической культуры, характерной для (пост)имперских, “вертикальных” обществ.

Разумеется, современную Россию, как и другие государства – наследники СССР, нельзя определить как империи по их нынешним, формальным политико-правовым параметрам. Так, конституционные модели России и других стран СНГ признают принцип народного суверенитета и правового государства, хотя реальные условия в них существенно отличаются от декларируемых в законах, в том числе конституциях. Вместе с тем это и не развитые государства-нации, поскольку здесь, в той или иной мере, сохраняются ярко выраженные признаки империи – “имперский синдром” [Pain 2016]. Россия – составное государство, унаследовавшее от имперской системы прошлых столетий “имперское тело”, то есть многочисленные ареалы компактного

расселения ранее колонизированных этнических сообществ, обладающих собственными традиционными культурами. Пока горизонтальные гражданские формы связи слабы, воспроизводится “имперская ситуация” параллельного и разобщенного функционирования таких общностей, связанных только через подчинение общему Центру. При этом договорные отношения, взаимные обязательства между Центром и регионами, характерные для национальных государств федеративного типа, формировались в России в 1990-е гг., а в 2000-х гг. стали слабеть, уступая место возрождавшейся, точнее, возрождаемой имперской иерархии.

Исследования Левада-Центра (2006–2015 гг.) показывают, что важнейший признак гражданской нации – гражданская субъектность, реализация принципа народного суверенитета – не укрепляется в России. Подавляющее большинство россиян устойчиво отмечают, что они не оказывают какого-либо влияния ни на политическую, ни на социально-экономическую жизнь как во всем государстве, так и в своем регионе, городе или районе. Стремление же формальных граждан России участвовать в политической жизни, влиять на нее, падает по сравнению с 1990-ми гг. [Общественное... 2016, с. 54–68]. Важно подчеркнуть, что этот регресс никак не связан с какими-то особенностями русских как этнического большинства страны. Те же русские, в том числе и родившиеся в СССР, прекрасно доказывают свою способность к гражданской активности и демонстрируют волю к освоению либерально-демократических норм в странах, где такие нормы не подавляются властями. Например, в Латвии поддерживаемое прежде всего русским населением политическое объединение “Центр согласия” победило на выборах в латвийский сейм в 2011 г., а его лидер Н. Ушаков является мэром Риги с 2009 г.

Мнимая неизбывность империи и реальный кризис постимперской ситуации

Оспаривая внеисторическое существование наций как якобы имманентной черты всякого государства и, следовательно, присущей не только нынешней, но и императорской и советской России, мы решительно не согласны также с иной крайностью, отвергающей саму возможность становления гражданской нации в России и утверждающей неизбывность империи в ней. В этом состоит третья позиция, с которой мы вступаем в спор.

Россию называют империей идеологи типа А. Дугина или А. Проханова, вкладывающие в это определение позитивный смысл. Признаки, которые они приписывают империи (государственное величие, религиозное мессианство, противостояние Западу и либеральным ценностям, традиционализм, мифология защиты меньшинств в империях и проч.), являются для них предметом гордости за свою страну [Дугин 2012; Проханов 2013]. Понятно, что такого рода концепции имперского эссенциализма, в глазах их авторов и адептов, не нуждаются в каких-либо доказательствах. Поэтому обратимся к мнению ученых. Так, историк А. Тесля заявляет: “На мой взгляд, нет ничего плохого в том, чтобы быть империей, быть имперским политическим образованием, но это означает, что здесь (в России. – Э.П., С.Ф.) невозможна гражданская нация, здесь невозможна подобная организация жизни народа, слишком высока ее стоимость” [Тесля 2017]. К сожалению, и заявленная историком позиция пока остается сугубо декларативной, не подтвержденной какими-либо аргументами (и, увы, это скорее норма, чем исключение в разговорах об империи в России).

Мы утверждаем прямо противоположное: сохранение нынешнего эклектичского левиафана – уже не империи, но еще не нации (по крайней мере, не гражданской нации при наличии некоего единого культурного и коммуникационного пространства) – представляет собой нарастающую проблему. При этом уже есть методики не метафизического, а вполне конкретного расчета стоимости нарастающих издержек от воспроизводства нынешней политики. Накапливается все больше доказательств того, что Россия уже не может жить так, как жила в эпоху классических империй. И дело

не только в том, что внешний мир ей этого не позволяет; ее внутреннее устройство включает в себя обширные пространства, занятые новыми институтами, которые буквально задыхаются в условиях низкого общественного доверия, подавляемого авторитарным государством. На наш взгляд, российское общество переживает, но пока не осознает, *кризисное состояние своей постимперской ситуации*. Этот кризис развивается медленно и неравномерно, но неуклонно, и связан со столкновением унаследованного “имперского тела” и “имперского порядка” с новыми социальными, экономическими и политическими условиями.

Прежде всего со времен Российской империи и СССР изменилась демографическая ситуация. Тогда численность русского населения в колонизированных районах росла, а сейчас она сокращается в республиках практически повсеместно. И эта ситуация порождает множество конфликтов. Например, именно в последние годы конфликтность все чаще проявляется в вопросах национальных языков республик Российской Федерации. На их изучении в государственных школах настаивает местная элита, и закон на ее стороне, но этой практике сопротивляется русское население, особенно там, где оно пока составляет относительное большинство, которое быстро сокращается [Кто против... 2016]. Напомним лишь один пример из недавней истории: начальной точкой процесса, завершившегося выходом балтийских республик из СССР, была борьба этих республик (1987–1988 гг.) за установление статуса национального языка как реально государственного.

В еще большей мере воспроизводству традиционной имперской ситуации препятствует такое новое обстоятельство, как радикально возросшая в постсоветские годы социальная и территориальная мобильность населения. В эпоху классических империй народы, как колонизированные, так и жители метрополии, веками сохраняли свои особые уклады, поскольку большая часть населения рождалась и умирала в границах своих этнических территорий. По переписи 1926 г., даже после пертурбаций Гражданской войны, только 25% населения СССР жили за пределами мест, где они родились, тогда как, по данным последней российской переписи 2010 г., таковых было уже более половины – 53,8% [Население России... 2013, с. 462].

Миграции из бывших инокультурных окраин в бывший имперский центр создают условия для широкого распространения расизма и ксенофобии, которые становятся частью компенсаторного, “оборонительного” сознания населения экс-метрополии, переживающего распад имперского пространства. В 2011–2013 гг. по городам России прокатилась серия столкновений местных жителей с мигрантами. Вначале, как в случае волнений в Кондопоге (Карелия) в 2006 г., беспорядки затрагивали, в основном, небольшие города и поселки (Сагра, Демьяново, Пугачев и др.), а в 2013 г. они уже перекинулись на крупнейшие города и их агломерации – Бирюлево в Москве, рынок “Апраксин двор” в Санкт-Петербурге. Еще раньше, в 2010 г., на Манежной площади столицы собралась большая толпа рассерженных футбольных фанатов и русских националистов, поводом к которому стало убийство фаната представителем одного из народов Кавказа. Собрание затем переросло в столкновения с милицией и в уличные бои между манифестантами и “кавказцами”. К 2013 г. ксенофобия достигла максимума за все время социологических наблюдений (особенно в Москве и Петербурге) в постсоветскую эпоху [Лаин 2014]. В 2014–2015 гг. ситуация вновь изменилась – ксенофобия по отношению к мигрантам из Средней Азии и Кавказа снизилась, внимание общества было переключено на события в Крыму и Донбассе. Однако значительный потенциал ксенофобии по отношению к выходцам с Северного Кавказа и из стран Центральной Азии сохраняется. За тем фактом, что колониальные завоевания этих территорий в прошлом были наиболее продолжительными, кровавыми и дорогостоящими [Моррисон 2015; Ходарковский 2016], очевидно, скрывается нечто большее, чем просто ирония истории.

В России постимперский синдром ощущается гораздо острее, чем во многих других странах с имперской историей. Конечно, после распада СССР и Чеченской войны на данный момент прошло существенно меньше времени, чем, например, после

завершения французской войны в Алжире (1962) или отмены расовой сегрегации в США (1965). Однако более существенно то обстоятельство, что с тех пор Россия существенно не продвинулась в сторону политической и правовой модернизации. Если в западных странах с колониальным наследием последнему было противопоставлено укрепление гражданских связей и защита прав меньшинств⁵, то в России, по сути, происходит лишь нечто вроде реинкарнации советского дискурса о “дружбе народов”. В этих условиях характерно, что массовые волнения, вспыхивающие в российских городах на этнорасовой почве [Zakharov 2015], проявляются как выражение недовольства со стороны представителей этнического большинства, которое направляет его на меньшинство.

Участники этнических бунтов в России, в отличие от относительно сходных городских столкновений в тех же Франции или США, не обращаются напрямую к государственным органам (полиции, судам) с требованиями, чтобы те добросовестно исполнили предписанные законом функции. Напротив, толпа требует вернуть “правосудие” самостоятельно и наказать виновников того или иного конкретного происшествия, послужившего катализатором волнений. Будучи отчужденными от институтов власти, от государства, протестующие действуют в логике своей отчужденности, (пока) не выдвигая четких требований к властям. Все это как раз свидетельствует о нереализованности проекта гражданской нации, а следовательно, и демократии [Rustow 1970]⁶. Мы наблюдаем низкое и даже слабеющее доверие к общественным институтам и к другим членам сообщества, активная солидарность в котором подменяется пассивной лояльностью правителю и высшему начальству. Есть и экономический аспект этой проблемы.

Многочисленные исследования последних лет подтверждают наличие “циклической” взаимосвязи между экономическим развитием и общим уровнем межличностного и институционального доверия. Суммируя их результаты, Л. Бершидский следующим образом описывает эту взаимосвязь: “Если институты и межличностные отношения не приносят благополучия, они не заслуживают доверия. А если людям и институтам нельзя доверять, у них нет никаких стимулов стремиться к благополучию” [Bershidsky 2017]. Это как раз то, что мы видим в России, где люди всячески стараются избегать контактов с государством, во многом живут “гаражной экономикой” и своим “огородом”, в массе своей никак не противятся коррупции. В этих условиях, когда граждане не выполняют роли “народа, овладевшего государством” [Deutsch 1969], то есть в отсутствие гражданской нации, невозможно даже помыслить становление реальной, а не имитационной демократии, равно как и экономики долгосрочного роста взамен той, что построена на извлечении ренты из добычи природных ресурсов. Мы полагаем, что без гражданско-национальной консолидации российского общества невозможно выйти за рамки описанного А. Эткиндо “супер-экстрактивного государства”, в котором население (в глазах власти и в структуре экономики) становится избыточным, или попросту балластом [Эткинд 2013]. Как доказывает экономист П. Коллиер, именно лояльность нации и наличие инструментов гражданского контроля позволяют легитимировать работу государственных институтов, тем самым делая ее более эффективной. Благодаря существованию доверия “по горизонтали” и “по вертикали”, люди воспринимают налоги не как выплату дани коррумпированным правителям, а как вложение своей доли в поддержание общественного порядка и благополучия [Collier 2014, p. 234–241]⁷.

⁵ В странах Западной Европы и США с 1970–1980-х гг. вопросы дискриминации и расизма постепенно оказались в центре публичных дискуссий, в том числе на уровне политических дебатов и партийных программ. Тогда же было значительно расширено антидискриминационное законодательство (см. [Осинов 2012]).

⁶ К обсуждению роли гражданско-национальной консолидации в процессе становления и поддержания демократии мы подробнее обратимся во второй статье.

⁷ “Совсем не случайно, — пишет Коллиер, — что французские революционеры, возвестившие о наступлении современности, увязывали братство со свободой и равенством: *братство — это то чувство, которое способно примирить свободу с равенством*. Только если мы рассматриваем других как членов того же сообщества, то соглашаемся с тем, что распределительное налогообложение, необходимое для обеспечения равных возможностей (*equity*), не ущемляет нашу свободу” [Collier 2014, p. 237].

Актуальные вызовы

Итак, фундаментальные факторы, побуждающие вертикальные имперские и пост-имперские режимы трансформироваться в государства-нации в наше время, все те же, что и на заре эпохи модерна, а именно: нарастание дисфункций по мере вхождения в плотные слои новой социально-политической обстановки в мире. Процесс национального строительства всегда длителен, он растягивается на десятилетия, если не на века, поскольку связан с многочисленными пробами и ошибками на пути адаптации к новым условиям. В России же он особенно тернист, учитывая длительность существования здесь имперского режима и уже веками отработанной технологии камуфляжа старых моделей и имитации новых. Наконец, необычайную сложность процессу национально-гражданской консолидации в России придает то, что в казавшихся “постнациональными” странах Запада усиливаются процессы фрагментации общества, что сразу же понижает уровень межличностного и индивидуального доверия.

По данным американской аналитической компании “Edelman”, практически повсеместно на Западе, особенно после экономического кризиса 2008 г., наблюдается растущий “разрыв доверия” (*trust gap*) между “информированной частью общества” и “массовым населением” в их отношении к ключевым институтам, таким как образование, СМИ и особенно исполнительная и законодательная власти государства [Edelman Trust... 2017]. Эрозия демократии и отказ широких слоев населения в доверии к правящим слоям и артикулируемым ими ценностям — следствие ослабления чувства сопричастности рядовых граждан и элит в достижении национального процветания. Без его укрепления едва ли западные общества, как и, между прочим, Россия, смогут ответить на вызов миграции и растущего разнообразия культур, локальных и групповых идентичностей. Гражданские институты в обществах Европы (и в России, в силу исторических особенностей ее развития в XX в.) играют тем более существенную роль в социальной адаптации мигрантов, поскольку механизмы социального контроля — в форме обычаев и традиций, родственных отношений, приходских (церковных) связей — в настоящее время практически утратили свою силу, особенно в городской среде, где и концентрируются мигранты.

В этих условиях Запад перестает казаться россиянам “сияющим Градом на холме” и все больше демонтирует иной тип глобальной проблемы — растущую социальную разобщенность гражданских наций. Но об этом в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. (2008) Владимир Путин: “Медведев не меньший русский националист, чем я” // Комсомольская правда. 08.03 (<http://www.msk.kp.ru/daily/24060/303858/>).
- Брубейкер Р. (2006) Именем нации: размышления о национализме и патриотизме // *Ab Imperio*. № 2. С. 59–79.
- Вишневский Б. (2013) Евгению Гонтмахеру: все было — и “зига”, и “Слава России!” // Эхо Москвы. 22.08 (http://www.echo.msk.ru/blog/boris_vis/1141290-echo/).
- Герасимов И., Могильнер М. (2007) Что такое “новая имперская история”, откуда она взялась и к чему она идет? // *Логос*. № 1. С. 218–238.
- Дугин А. (2012) Империя — это всегда терпимость к меньшинствам // Эхо Москвы. 26.05 (http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/892509-echo/).
- Еврейская община прокомментировала слова Толстого об Исаакиевском соборе (2017) // РБК. 24.01 (<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/588680d19a7947767344b88d>).
- Кто против навязывания башкирского языка — тот содействует развалу России? (2016) // Уфимский журнал. 21.03 (<http://journalufa.com/18233-kto-protiv-navyazyvaniya-bashkirskogo-yazyka-tot-sodeystvuet-razvalu-rossii.html>).
- Магун В., Руднев М. (2012) Типология европейцев по ценностям Р. Инглхарта и межстрановые сравнения // *Вестник общественного мнения*. № 3–4. С. 12–24.
- Малинова О. (2012) Символическое единство нации? Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина // *Pro et Contra*. № 3. С. 76–93.

- Между империей и нацией. Почему России не надо делать этот выбор (2017) // Россия в глобальной политике. № 1 (<http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdru-imperiei-i-natciei-18570>).
- Миллер А. (2008) Наследие империй: инвентаризация // Наследие империй и будущее России / Ред. А. И. Миллер. М.: Фонд “Либеральная миссия”.
- Миллер А. (2016) Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Миллер А., Лукьянов Ф. (2016) Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Россия в глобальной политике. № 6 (<http://globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontacii-18477>).
- Морозов А. (2017) Опасная игра // Фокус. 16.02 (<https://focus.ua/world/366231/>).
- Моррисон А. (2015) “Мы не англичане...”. К вопросу об исключительности российского империализма // Восток Свыше. № 3. С. 69–78.
- Население России 2010–2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад (2013) / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Общественное мнение – 2015. Ежегодник (2016). М.: Левада-Центр.
- Осипов А. (2012) Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? М.: Центр “Сова”.
- Пайн Э. (2014) Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // *Pro et Contra*. № 1–2. С. 34–53.
- Проханов А. (2013) Пятая империя // Спецназ России. 30.06 (<http://www.specnaz.ru/articles/201/1/1867.htm>).
- Путин В. (2012) Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01 (http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html).
- Путин: “Самый большой националист в России – это я” (2014) // Новая газета. 24.10 (<https://www.nowyagazeta.ru/news/2014/10/24/107126-putin-samyu-bolshoy-natsionalist-v-rossii-151-eto-ya>).
- Ренан Э. (2006 [1882]) Что такое нация? // Хронос (http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php).
- Столицу очистили от “Родины” (2005) // Новые Известия. 28.11 (<http://www.newizv.ru/politics/2005-11-28/36058-stolicu-ochistili-ot-rodiny.html>).
- Тесля А. (2017) “Нация” есть понятие политическое // Русофил. 12.01 (<http://russophile.ru/>).
- Тишков В. (2007^a) Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / Ред. В. А. Тишков и В. А. Шнирельман. М.: Наука. С. 558–601.
- Тишков В. (2016) Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В. А. Тишков и Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. С. 7–18.
- Тишков В. (2007^b) Что есть Россия и российский народ // *Pro et Contra*. № 3. С. 21–41.
- Ходарковский М. (2016) Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М.: Новое литературное обозрение.
- Шевцова Л. (2017) Исчерпанное время постмодерна // Радио Свобода. 21.01 (<http://www.svoboda.org/a/28243845.html>).
- Штепа В. (2015) “Валдайский клуб” как столкновение цивилизаций // Руфабула. 03.11 (<https://rufabula.com/articles/2015/11/03/valdai-club-as-a-clash-of-civilizations>).
- Эткинд А. (2013) Петромачо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве // Неприкосновенный запас. № 2 (<http://www.nlobooks.ru/node/3432>).
- Berger S., Miller A. (eds.) (2015) *Nationalizing Empires*. Budapest: Central European Univ. Press.
- Bershidsky L. (2017) The West’s Biggest Problem Is Dwindling Trust // Bloomberg. 04.01 (<https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-01-04/the-west-s-biggest-problem-is-dwindling-trust>).
- Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Collier P. (2014) *Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century*. London: Penguin Books.
- Deutsch K. (1969) *Nationalism and Its Alternatives*. New York: Alfred A. Knopf.
- Edelman Trust Barometer Reveals Global Implosion of Trust (2017) // Edelman. 15.01 (<http://www.edelman.com/news/2017-edelman-trust-barometer-reveals-global-implosion/>).
- Pain E. (2016) The Imperial Syndrome and its Influence on Russian Nationalism // Pål Kolstø and Helge Blakkisrud (eds.). *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press. Pp. 46–74.
- Rustow D. (1970) Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. Vol. 2. No. 3. Pp. 337–363.

Thesis Eleven (2017) Vol. 139. No. 1.

Tishkov V. (2000) Forget the 'Nation': Post-nationalist Understanding of Nationalism // Ethnic and Racial Studies. Vol. 23. No. 4. Pp. 625–650.

Zakharov N. (2015) Race and Racism in Russia. Houndsmills, New York: Palgrave Macmillan.

NATION AND DEMOCRACY

Article 1. The Idea of Civic Nation in Modern Russia

E. PAIN*

S. FEDYUNIN**

* *Pain Emil* – doctor of political science, professor of NRU HSE, civil service department. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000 Russian Federation. E-mail: pain@ISRAS.ru

** *Fedyunin Sergey* – doctoral student of Centre de recherches Europes-Eurasie, Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO. Address: Paris 63, Rue de Grand Moulins France 75013.

Abstract

These two articles focused on the relationship between nationhood, democracy and civil participation. The authors develop D. Rustow's thesis of the national unity as a single background condition for democratisation. The article argues that the problematic institutionalisation of democracy in Russia and the current trust crisis towards democratic institutions in several western societies help to reveal a fundamental role of the civic nationalism not only in build its, but also in maintain modern democracy.

In the first article, the authors discuss the hybrid type of nationhood in Russia. Although the latter has some formal, both legal and cultural, features of a becoming political nation, it is still largely shaped by an "imperial syndrome", reflecting the country's imperial past and obstructing the building of democratic institutions. The authors highlight that it is poorly understood by the masses and by the academics, while two different ideological movements, the liberal and the conservative, do not seem to be interested in discussing them. The authors distinguish three academic will approaches to the idea of civic nation in Russia. First, "defensive constructivism" appealing to the broadly used discursive methodology to defend Russia from any criticism focused on the imitation of the major Russian institutions, i.e. civic nation, democracy, federalism, and the rule of law. Second, the "pragmatic relativism" approach postulating that then is no a hybrid character of Russian nationhood. Finally, the "historical fatalism" which claims that Russia remains an imperial polity and, thus, cannot become a nation state. While opposing to each of these three positions, the authors develop their own approach to the problem.

Keywords: civic nation, democracy, Russia, empire, trust, institutions, constructivism.

REFERENCES

Baranov A. (2008) Vladimir Putin: "Medvedev ne men'shy russky nacionalist, chem ya" [Vladimir Putin: "Medvedev is a Russian nationalist as well as myself"]. *Komsomolskaya Pravda* 08.03 (<http://www.msk.kp.ru/daily/24060/303858/>).

Berger S., Miller A. (eds.) (2015) *Nationalizing Empires*. Budapest: Central European Univ. Press.

Bershidsky L. (2017) The West's Biggest Problem Is Dwindling Trust. *Bloomberg*. 04.01 (<https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-01-04/the-west-s-biggest-problem-is-dwindling-trust>).

Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. New York: Cambridge Univ. Press.

Brubaker R. (2006) Imenem nacji: razmyshleniya o nacionalizme i patriotizme [In the name of the nation: reflections on nationalism and patriotism]. *Ab Imperio*, no. 2, pp. 59–79.

Collier P. (2014) *Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century*. London: Penguin Books.

Deutsch K. (1969) *Nationalism and Its Alternatives*. New York: Alfred A. Knopf.

- Dugin A. (2012) Imperiya – eto vseгда terpmost' k men'shinstvam [Empire is the synonym of tolerance towards minorities]. *Ekho Moskvy* 26.05 (http://echo.msk.ru/blog/kavkaz_politic/892509-echo/).
- Edelman Trust Barometer Reveals Global Implosion of Trust (2017). *Edelman* 15.01 (<http://www.edelman.com/news/2017-edelman-trust-barometer-reveals-global-implosion/>).
- Etkind A. (2013) Petromacho, ili Mekhanizmy demodernizatsii v resursnom gosudarstve [Petromacho, or the Mechanisms of demodernisation in a resource state]. *Neprikosnovenny zapas*, no. 2 (<http://www.nlobooks.ru/node/3432>).
- Evreyskaya obshchina prokomentirovala slova Tolstogo ob Isaakiyevskom sobore (2017) [The Jewish community has commented Peter Tolstoy's claims about the Saint Isaac's Cathedral]. *RBC* 24.01 (<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/588680d19a7947767344b88d>).
- Gerasimov I., Mogilner M. (2007) Chto takoye "novaya imperskaya istoriya", otkuda ona vzyalas i k chemu ona idet? [What is "new imperial history", where does it come from and where does it all lead?]. *Logos*, no. 1, pp. 218–238.
- Khodarkovsky M. (2016) *Gorky vybor: vernost i predatel'stvo v epokhu rossyskogo zavoyevaniya Severnogo Kavkaza* [Bitter choices: loyalty and betrayal in the Russian conquest of the North Caucasus]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Kto protiv navyazyvaniya bashkirskego yazyka – tot sodeystvuyet razvalu Rossii? (2016) [Are those who oppose the obtrusion of the Bashkir language making a contribution to the disintegration of Russia?]. *Ufimsky zhurnal* 21.03 (<http://journalufa.com/18233-kto-protiv-navyazyvaniya-bashkirskego-yazyka-tot-sodeystvuet-razvalu-rossii.html>).
- Magun V., Rudnev M. (2012) Tipologiya evropeycev po cennostyam R. Inglekharta i mezhstranovye sravneniya [The typology of Europeans according to R. Inglehart's values scale and the cross-country comparisons]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 3–4, pp. 12–24.
- Malinova O. (2012) Simvolicheskoye edinstvo natsii? Reprerentatsiya makropoliticheskogo soobshchestva v predvybornoy ritorike Vladimira Putina [Symbolical unity of the nation? Representations of the macro-political community in Vladimir Putin's pre-election discourse]. *Pro et Contra*, no. 3, pp. 76–93.
- Mezhdru imperiyey i naciyye. Pochemu Rossii ne nado delat' etot vybor (2017) [Between empire and nation. Why Russia should not make this choice]. *Russia in Global Affairs*, no. 1 (<http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdru-imperiei-i-natsiei-18570>).
- Miller A. (2016) *Naciya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation, or The power of a myth]. St.-Petersburg: European Univ. in St.-Petersburg Press.
- Miller A. (2008) Naslediye impery: inventarizatsiya [The imperial legacies: a catalog]. Miller A. (ed.) *Naslediye impery i budushcheye Rossii* [Imperial legacies and the future of Russia]. Moscow: "Liberal Mission" Foundation.
- Miller A., Lukyanov F. (2016) Otstranennost' vmesto konfrontatsii: postevropeyskaya Rossiya v poiskakh samodostatocnosti [Detachment Instead of Confrontation: Post-European Russia in Search of Self-Sufficiency]. *Russia in Global Affairs*, no. 6 (<http://globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontatsii-18477>).
- Morozov A. (2017) Opasnaya igra [Dangerous Game]. *Focus* (<https://focus.ua/world/366231/>).
- Morrison A. (2015) "My ne anglichane...". K voprosu ob iskluchitel'nosti rossyskogo imperializma ["We are not Englishmen...". A contribution to the question of the Russian imperialism's singularity]. *Vostok Svyshe*, no. 3, pp. 69–78.
- Naseleniye Rossii 2010–2011. Vosemnadcaty-devyatnadcaty ezhegodny demografichesky doklad* (2013) [The population of Russia 2010–2011. The 18th – 19th annual demographic report]. A. Vishnevsky (ed.). Moscow: Higher School of Economics Press.
- Obshchestvennoye mneniye – 2015. Ezhegodnik* (2016) [Public opinion – 2015. Annual report]. Moscow: Levada Centre.
- Osipov A. (2012) *Chto takoye etnicheskaya diskriminatsiya i chto s ney mozhno sdelat'?* [What is ethnic discrimination and what can we do about it?]. Moscow: Sovn Centre.
- Pain E. (2016) The Imperial Syndrome and its Influence on Russian Nationalism. Pål Kolstø and Helge Blakkisrud (eds.). *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press. Pp. 46–74.
- Pain E. (2014) Ksenofobiya i natsionalizm v epokhu rossyskogo bezvremeniya [Xenophobia and nationalism in an era of Russian stagnation]. *Pro et Contra*, no. 1–2, pp. 34–53.
- Prokhanov A. (2013) Pyataya imperiya [The fifth empire]. *Spetsnaz Rossii* 30.06 (<http://www.specnaz.ru/articles/201/1/1867.htm>).
- Putin V. (2012) Rossiya: nacional'ny vopros [Russia: national question]. *Nezavisimaya gazeta* 23.01 (http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html).

- Putin: “Samy bolshoy natsionalist v Rossii – eto ya” (2014) [Putin: “I am the biggest nationalist in Russia”]. *Novaya gazeta* 24.10 (<https://www.novayagazeta.ru/news/2014/10/24/107126-putin-samy-bolshoy-natsionalist-v-rossii-151-eto-ya>).
- Renan E. (2006 [1882]) Chto takoye naciya? [What is a nation?]. *Khronos* (http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php).
- Rustow D. (1970) Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model. *Comparative Politics*, vol. 2, no. 3, pp. 337–363.
- Shevtsova L. (2017) Ischerpannoye vremya postmoderna [The time of postmodernity is running out]. *Radio Svoboda* 21.01 (<http://www.svoboda.org/a/28243845.html>).
- Shtepa V. (2015) “Valdaisky klub” kak stolknoveniye tsivilizatsy [The Valdai club as clash of civilizations]. *Rufabula* 03.11 (<https://rufabula.com/articles/2015/11/03/valdai-club-as-a-clash-of-civilizations>).
- Stolicu ochistili ot “Rodiny” (2005) [The capital has been cleaned of the Rodina party]. *Novye Izvestiya* 28.11 (<http://www.newizv.ru/politics/2005-11-28/36058-stolicu-ochistili-ot-rodiny.html>).
- Teslya A. (2017) “Naciya” est’ ponyatiye politicheskoye [“Nation” is a political concept]. *Russophile* 12.01 (<http://russophile.ru/>).
- Thesis Eleven (2017) vol. 139, no. 1.
- Tishkov V. (2007^b) Chto est’ Rossiya i rossysky narod [What Russia and the Russian people are]. *Pro et Contra*, no. 3, pp. 21–41.
- Tishkov V. (2000) Forget the ‘Nation’: Post-nationalist Understanding of Nationalism. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 23, no. 4, pp. 625–650.
- Tishkov V. (2007^a) Rossyskaya naciya i eye kritiki [The Russian nation and its critics]. V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman (eds.) *Natsionalizm v mirovoy istorii* [Nationalism in world history]. Moscow: Nauka, pp. 558–601.
- Tishkov V. (2016) Uslozhnyayushcheye raznoobrazie: kak ego ponimat’ i uporyadochit’ [Complex diversity: how to understand and to interpret it]. V.A. Tishkov, E.I. Filippova (eds.) *Kulturnaya slozhnost’ sovremennykh nacy* [Cultural complexity of modern nations]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 7–18.
- Vishnevsky B. (2013) Evgeniyu Gontmakheru: vse bylo – i “ziga”, i “Slava Rossii!” [To Evgeny Gontmakher: there were both the Nazi salute and “Glory to Russia!”]. *Ekho Moskvy* 22.08 (http://www.echo.msk.ru/blog/boris_vis/1141290-echo/).
- Zakharov N. (2015) *Race and Racism in Russia*. Houndsmills; New York: Palgrave Macmillan.